

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

М. В. Масловский

КОНЦЕПЦИЯ СОВЕТСКОЙ МОДЕРНОСТИ Й. АРНАСОНА И ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматривается цивилизационный анализ как теоретическое направление современной социологии. Характеризуется значение анализа советской версии модерности в работах Й. Арнасона для изучения российской политической культуры. Отмечается, что теоретические положения концепции множественных модерностей Арнасона могут быть дополнены исследованиями политической культуры российского общества в работах социологов «Левада-центра».

Ключевые слова: цивилизационный анализ, модерность, политическая культура.

M. V. MASLOVSKIY

JOHANN ARNASON'S THEORY OF SOVIET MODERNITY AND THE STUDIES OF RUSSIAN POLITICAL CULTURE

In the article civilizational analysis as a theoretical perspective in contemporary sociology is discussed. The importance of Johann Arnason's analysis of Soviet modernity for the study of Russian society is characterized. Arnason's analysis of the multiple forms of modernity is widely discussed in today's historical sociology. At the same time his study of the Soviet version of modernity has attracted relatively less attention than some other aspects of his work. Nevertheless, Arnason's analysis of the Soviet model represents an original approach to the communist regime in Russia that deserves further theoretical development. While Arnason does not discuss in detail the processes of social and political change in post-Soviet Russia his approach can be applied to this problematic as well. The functionalist modernization theory cannot account for reversals in economic and political liberalization but Arnason's ideas add new explanatory dimensions to transformation research. It is argued that Arnason's theoretical propositions can be complemented with research on Russian political culture by sociologists from the Levada Center. The studies of Boris Dubin and Lev Gudkov present a broad picture of social life in post-Soviet Russia. These authors

follow a distinct approach that combines Yurii Levada's model of the Soviet person with elements of western sociological and political theories. The studies of Levada Centre demonstrate that in the 2000s most of Russian population accepted the Soviet epoch as a kind of 'invented tradition' and expressed nostalgia for the years of Brezhnev's rule. However, some theoretical statements particularly in Gudkov's works can be questioned from the viewpoint of the multiple modernities perspective in contemporary sociology. The Soviet system can be seen not as a deviation from the only road to modernity but as a specific form of modern society that possessed distinctive civilizational features. The multiple modernities approach can be seen as an important theoretical resource for understanding social processes in post-Soviet Russia.

Keywords: civilizational analysis, modernity, political culture.

Смену теоретических подходов к проблеме модернизации в социологии второй половины XX в. отражает схема, предложенная Дж. Александером. В соответствии с этой схемой, в западной социологии последовательно сменяли друг друга следующие теоретические ориентации: классическая теория модернизации — антимодернизм — постмодернизм — неомодернизм (Александр 2013). Теория модернизации, в значительной степени опиравшаяся на функционализм Т. Парсонса, преобладала в 1950-е — начале 1960-х гг. Антимодернистские теории, ведущее место среди которых принадлежало неомарксизму, получили развитие во второй половине 1960-х и в 1970-е гг. Следующее десятилетие отмечено распространением идей постмодернизма. Наконец, в 1990-е гг. сформировалась новая теоретическая ориентация — неомодернизм. Социология во все большей степени обращается к анализу глобального распространения рыночной экономики и процессов демократизации. При этом, как полагает Александр, в определенном смысле происходит возврат к классической теории модернизации.

Однако данная схема может быть принята лишь с определенными оговорками. Прежде всего, разработанная Александером схема фиксирует смену как теоретических подходов, так и идеологических установок, причем основной акцент делается скорее на последних. При этом Александр уделяет преимущественное внимание американской социологии, тогда как с начала 1970-х гг. центр развития социальной теории переместился в Западную Европу. Наконец, не все новейшие теоретические направления соответствуют схеме, выдвинутой Алек-

сандером. Так, с конца 1990-х гг. происходит формирование концепции множественных модерностей (*multiple modernities*), которая выходит за рамки предложенного им понимания неомодернизма.

Концепция множественных модерностей во многом продолжает и развивает веберовскую социологическую традицию. Данную концепцию отличает «неовеберовский подход к политической власти, которая рассматривается с точки зрения социокультурных оснований ее легитимности» (Spohn 2010: 53). С позиций этого теоретического направления подчеркивается влияние традиций, сложившихся в различных религиях, империях, цивилизациях. В целом «различные цивилизационные основания и рамки порождают разнообразные программы политической модерности и процессы политической модернизации» (Spohn 2010: 60). Концепция множественных модерностей расценивается сегодня как одно из наиболее перспективных направлений социальной теории (Йоас, Кнебль 2013: 784–789). Значение этой концепции для анализа социальных и политических процессов в постсоветской России подчеркивает, в частности, британский политолог Ричард Саква, который обсуждает ее преимущества по сравнению с преобладающими на сегодняшний день транзитологическими подходами (Sakwa 2012).

Следует отметить, что концепция множественных модерностей сложилась в рамках цивилизационного анализа как направления сравнительно-исторической социологии. В числе ведущих представителей цивилизационного анализа в социальной науке конца XX — начала XXI вв. можно выделить таких социологов, как Ш. Эйзенштадт и Й. Арнасон. Вклад Эйзенштадта в историческую социологию заключался, прежде всего, в разработке теоретических основ сравнительного исследования традиционных цивилизаций «осевого времени». Вместе с тем значительный интерес для современной социологии представляет осуществленный этим ученым анализ цивилизационной динамики модерности. С точки зрения Эйзенштадта, возникновение цивилизаций «осевого времени» и переход к модерности представляли собой два наиболее значительных процесса социокультурных изменений в мировой истории (Eisenstadt 2000: 19).

Эйзенштадт уделяет значительное внимание воздействию революций Нового времени на формирование модерности (Эйзенштадт 1999). При этом он подчеркивает, что процесс модернизации в незападных обществах проходил различными путями, приводя к результатам,

существенно отличавшимся от западных образцов. Изменения в различных модернизирующихся обществах были связаны как с внутренней динамикой этих обществ, так и с борьбой между основными центрами политической и экономической власти в пределах европейской цивилизации, а затем и между разными цивилизациями модерности. Однако следует учитывать, что анализ различных версий модерности в работах Эйзенштадта носит не столь завершённый и систематический характер, как его исследования цивилизаций «осевого времени». Во всяком случае, этот анализ может быть по-разному интерпретирован, а также дополнен другими теоретическими подходами.

Один из ведущих представителей концепции множественных модерностей Й. Арнасон осуществил с позиций данного направления анализ обществ советского типа. В 1993 г. вышла его книга «Несбывшееся будущее: происхождение и судьбы советской модели», содержащая такой анализ (Arnason 1993). Впоследствии Арнасон неоднократно возвращался к проблематике коммунистической модерности. В частности, он рассмотрел глобальное распространение советской модели и охарактеризовал становление особой версии коммунистической модерности в Китае. Теоретический подход этого социолога к изучению советской модели достаточно полно представлен в его статьях «Коммунизм и модерн» и «Советская модель как форма глобализации» (Арнасон 2011: 2013).

С окончанием «холодной» войны в западной социальной науке проявилась тенденция расценивать коммунистические режимы как антимодернистские или псевдомодернистские. Однако, как полагает Арнасон, невозможно игнорировать модернизационную динамику коммунистической системы. В государствах, в которых установились коммунистические режимы, были продолжены или начаты основные модернизационные процессы. Одной из основных стратегических целей коммунистических режимов выступала ускоренная индустриализация. В политической сфере в обществах советского типа произошло организационное и технологическое усиление государственной власти. В числе наиболее значительных достижений коммунистических режимов многие исследователи называют модернизацию системы образования.

Особое внимание Арнасон уделяет цивилизационным аспектам советской версии модерности. Он подчеркивает, что советская модель определяла себя как альтернативу западной модерности — в экономи-

ческой, политической и культурной сферах. При этом претензии на создание новой цивилизации играли ключевую роль в советском «идеологическом арсенале». Тем не менее коммунистическая версия модерности обладала лишь некоторыми цивилизационными характеристиками. В конечном итоге советские «цивилизационные ресурсы» оказались слишком ограниченными. Вместе с тем господство в обществе идеологии, представлявшей собой разновидность «политической религии», оказывало негативное влияние на сферы экономики, политики и культуры, поскольку идеология ограничивала роль рефлексивности в общественной жизни.

В своем анализе советской модели Арнасон использует понятия социальной интеграции и дифференциации. Он отмечает, что механизмы социальной интеграции имели явно преобладающее значение в советской системе. Для этой системы было характерно сосредоточение экономической, политической и идеологической власти в руках аппарата управления, стремившегося подчинить своему контролю все проявления общественной жизни. Однако в обществе реального социализма существовали определенные формы социальной дифференциации, отличные от функциональной дифференциации западных обществ. В советской системе особая логика действовала в каждой из основных сфер социальной жизни. Так, централизованное планирование необходимо было совместить с реальными потребностями экономического развития, результатом чего стало сочетание плановых механизмов, элементов рынка и неформальных экономических отношений. Своеобразная динамика существовала в сфере политики, где на смену харизматическому режиму пришел относительно более рационализированный олигархический режим. В сфере идеологии требовалось примирить неизменные доктринальные принципы с непрерывным ростом научного знания, что было заведомо недостижимой целью.

В западной советологии вопрос о коммунистической системе как особом типе модерности долгое время практически не обсуждался. Вместе с тем с середины 1990-х гг. в работах ряда американских историков получил развитие новый подход к анализу советской системы, противостоявший как теории тоталитаризма, так и «ревизионистской» социальной истории. Последователи этого нового направления рассматривают советскую систему как своеобразный тип современного общества и особую цивилизацию. Так, Стивен Коткин стремится

показать, как в годы первых пятилеток происходило формирование новой социалистической цивилизации (Kotkin 1995). С одной стороны, Коткин выделяет влияние на большевистскую идеологию утопических элементов марксизма, восходящих к эпохе Просвещения. С другой стороны, американский историк характеризует сталинский режим как «теократию» и рассматривает коммунистическую идеологию как форму религии, а партийные чистки — как разновидность инквизиции. С точки зрения теорий модернизации функционалистского толка и более традиционных советологических подходов такое сочетание выглядит явно парадоксальным.

Коткин сопоставляет советскую систему периода 1920–1930-х гг. с либеральными формами модерности, представленными США, Великобританией и Францией, а также и с другими видами «антилиберальной» модерности (нацистская Германия, фашистская Италия, императорская Япония) (Коткин 2001). Но следует отметить, что Коткин практически не использует современные социологические теории. Упомянув теорию модернизации, он ссылается прежде всего на ранние варианты данной теории, восходящие к функционализму Парсонса. Вместе с тем обращение к концепции множественных модерностей, по-видимому, позволяет преодолеть те теоретические проблемы, с которыми сталкивается функционалистский анализ советской системы (Maslovskiy 2010: 17–18).

Американский историк Майкл Дэвид-Фокс развил намеченное Шейлой Фицпатрик сопоставление «модернистского» и «неотрадиционалистского» подходов к анализу советской истории в новейшей американской литературе. Если на модернистский подход в значительной мере повлияли работы Коткина, то исследования «повседневного сталинизма» Фицпатрик (2001) способствовали формированию группы историков, стоявших на позициях «неотрадиционалистского» объяснения советской системы. Как показывает Дэвид-Фокс, внутри каждого из указанных направлений представлены весьма разнообразные позиции, так что проблематично говорить, например, о какой-то единой группе «модернистов». Но в целом «тенденция модернистов делать акцент на проектах и программах дала возможность “неотрадиционалистам” обратиться к результатам, а не намерениям и подчеркивать непредвиденные последствия» (David-Fox 2006: 539).

С точки зрения Дэвид-Фокса, модернистское направление в исследованиях советской истории «имплицитно» следует за социологиче-

ским анализом множественных модерностей, хотя работы Эйзенштадта по данной проблематике оказались вне поля зрения представителей этого направления. Сам Дэвид-Фокс ссылается на труды Эйзенштадта, но лишь однажды мимоходом цитирует одну из статей Йохана Арнасона, не обсуждая его концепцию. Между тем анализ советской модели, осуществленный Арнасоном, является наиболее релевантным для исследований советского общества. Дэвид-Фокс подчеркивает также необходимость сосредоточить внимание на «транснациональных» взаимодействиях в рамках «международной системы модерности» и упоминает понятие «переплетенных модерностей» (*entangled modernities*) (David-Fox 2006: 551). Однако в исторической социологии Арнасона представлен подробный анализ такого рода «переплетения» на примере советской и китайской форм коммунистической модерности (Arnason 2003).

С точки зрения Арнасона, можно говорить не о советской цивилизации, а о коммунистической модели модерности, обладавшей лишь некоторыми цивилизационными чертами. Характеризуя советскую модель, этот социолог отмечал, что «политическая религия» марксизма-ленинизма «не проникала в общество столь же глубоко, сколь исторические религии» (Арнасон 2011: 18). Обращаясь к периоду с середины 1960-х по середину 1980-х гг., он выделяет «ретрадиционализацию» как одну из основных тенденций эволюции советской модели. Речь идет о попытках представить «советский образ жизни» в качестве особой традиции. По мнению Арнасона, эти попытки так и не привели к созданию устойчивой цивилизационной модели. Тем не менее их влияние на политическую культуру советского общества не следует недооценивать.

В последние несколько лет работы Арнасона оказались в центре внимания зарубежных исследователей. Однако осуществленный этим социологом анализ советской версии модерности обсуждался не столь широко, как некоторые другие стороны его концепции. Вместе с тем отмечалось, что Арнасон предложил «оригинальный цивилизационный подход к изучению коммунистических режимов в России и других регионах мира, который заслуживает дальнейшего теоретического развития и проведения сравнительных исследований» (Spohn 2011: 30). Кроме того, идеи этого социолога успешно использовались для анализа социально-политических изменений в странах Восточной Европы (Блоккер 2009). С позиций концепции множественных модерностей

весьма убедительной критике были подвергнуты «транзитологические» подходы к изучению социально-политических процессов в посткоммунистических обществах. Указывалось также, что социологическая концепция Арнасона обладает преимуществами перед этими подходами, не допускающими возможности поворота вспять экономической и политической либерализации.

В то же время правомерно поставить вопрос о воздействии наследия не вполне сформировавшейся советской цивилизационной модели на современное российское общество. Как показывают результаты исследований российской политической культуры, проводившихся социологами из «Левада-центра», неотрадиционалистские черты советской версии модерности продолжали сохранять определенное влияние на протяжении всего постсоветского периода. Так, Б. В. Дубин рассматривает, в частности, взаимоотношения между Россией и ее ближайшими соседями, а также их отражение в массовом сознании. Как указывает этот социолог, для стран Центральной Восточной Европы вступление в Европейский Союз стало «политическим (как прежде — цивилизационным) утверждением себя в качестве части Европы», тогда как для России было характерно нарастание «символического отчуждения от Запада в ориентациях политических элит, риторике массмедиа, оценках населения» (Дубин 2011: 6). Этот исследователь демонстрирует, что уже в 1990-е гг. в российском обществе возрастает значимость коллективной идентичности, основанной на отличии от «других», и получает все более широкое распространение идея «особого пути» России.

В работах Дубина отмечается, что структурирование советской эпохи в массовом сознании было в целом завершено к середине второго постсоветского десятилетия. Опросы общественного мнения показывают, что наибольшее значение придавалось событиям, обозначившим начало этой эпохи (Октябрьская революция) и ее завершение (распад СССР), а между этими двумя событиями особо выделялись победа в войне и первый космический полет Ю. Гагарина. В то же время период середины 1960-х — 1970-х гг. расценивался как наилучшее время в российской истории XX в. Согласно Дубину, в 2000-е гг. российское общественное мнение в целом принимало советское прошлое как «свое» и в особенности проявляло ностальгию по «золотому веку» брежневского правления. Парадоксально, что наиболее «серый период» российской истории XX в., когда даже власть отказалась от неизменной

утопической составляющей советского проекта, через несколько лет после краха СССР стал в ностальгирующем коллективном сознании и эксплуатирующих эти настроения средствах массовой информации олицетворенной утопией равенства, сплоченности и благополучия» (Дубин 2011: 121).

В целом же Советский Союз «долго представлял, а во многом и сегодня представляет для большинства россиян социально-политическое и цивилизационное целое, с воображаемыми рамками которого они себя соотносят» (Дубин 2011: 23). С точки зрения Дубина, брежневский период может характеризоваться как вершина советского социально-политического и цивилизационного строя. Именно так он выглядит и «в ретроспективных представлениях *сегодняшних* россиян» (Дубин 2011: 267). Неоднократно отмечалось также, что поздний брежневский период был временем социализации нынешней российской политической элиты. В конечном итоге влияние авторитарной политической культуры советской эпохи прослеживается как у населения в целом, так и у правящей элиты.

Среди новейших исследований трансформационных процессов в постсоветской России следует выделить также осуществленный Л. Д. Гудковым анализ «абортивной модернизации». Одним из основных теоретических источников выступают для Гудкова идеи Ю. А. Левады. Центральное место в анализе постсоветских трансформаций в трудах Левады занимала разработанная им идеально-типическая модель советского человека (Гудков 2011: 56–57). Характеризуя данную модель, Гудков сопоставляет ее с аналогичными теоретическими конструкциями в западной социальной науке, как, например, концепция авторитарной личности. В то же время можно найти параллель с понятием «*Homo Sovieticus*», которое получило распространение в антисоветском интеллигентском фольклоре и книгах писателей-диссидентов, в особенности А. А. Зиновьева.

В исследованиях Левады и его коллег, проводившихся в 1990-е и 2000-е гг., ставился вопрос о том, какие черты советского человека сохранились в условиях масштабных социальных преобразований и продолжали оказывать влияние на поведение людей. На основе таких исследований Гудков делает вывод, что антропологический тип советского человека представляет собой основное препятствие для модернизации российского общества. Он утверждает, что характерное для советского человека недоверие к окружающему миру и опыт

приспособления к производству государственной власти делают этот человеческий тип неспособным принять сложные социальные отношения модерности. По-видимому, анализ характеристик данного социального типа имеет существенное значение для понимания особенностей политической культуры российского общества.

Гудков использует понятие «абортивной модернизации» по аналогии с «абортивной цивилизацией» в работах Тойнби. Как подчеркивает Гудков, с точки зрения системного подхода в социологической теории, модернизация предполагает процесс функциональной дифференциации социальной системы и возникновение более сложных форм интеграции и коммуникации между ее составными частями. В то же время он утверждает, что в российском обществе эти процессы постоянно блокировались. Конфликты и напряжение внутри социальной системы, требовавшие ее дальнейшей дифференциации, вместо этого решались путем упрощения системы. Подавление социальной дифференциации вело к консервации основных социальных институтов и прежде всего властных структур (Гудков 2011: 376–378).

Следует учитывать, что анализ абортивной модернизации в работах Гудкова в значительной степени опирается на функционалистское направление в социологической теории. Согласно Т. Парсонсу, экономические, политические и правовые институты западных обществ представляют собой «эволюционные универсалии». В частности, Парсонс характеризовал американское общество 50-х гг. XX в. как своего рода вершину модерности. Идея абортивной модернизации также предполагает существование лишь одного типа модерности, представленного странами Запада. Однако эта идея может быть поставлена под сомнение с точки зрения концепции множественных модерностей. Советская система может рассматриваться не как отклонение от единственно возможного пути модернизации, но как специфический тип модерности, обладавший определенными цивилизационными чертами (Maslovskiy 2013: 2020–2021).

В целом современные концепции цивилизационного анализа представляют собой ценный теоретический ресурс для осмысления социокультурных и политических процессов на постсоветском пространстве. Использование этого теоретического подхода может способствовать преодолению влияния показавших свою ограниченность «транзитологических» схем. Цивилизационный анализ позволяет выявить долговременные тенденции социальных и политических изме-

нений. Изучение российских трансформаций с позиций данного направления дает возможность по-новому взглянуть на социокультурные и политические процессы в России на протяжении всего постсоветского периода.

Источники

- Александр Дж.* Модерн, анти-, пост- и нео: Как интеллектуалы объясняют «наше время» // Александр Дж. Смыслы социальной реальности: Культуросоциология. М.: Праксис, 2013.
- Арнасон Й.* Коммунизм и модерн // Социологический журнал. 2011. № 1.
- Арнасон Й.* Советская модель как форма глобализации // Неприкосновенный запас. 2013. № 4.
- Блоккер П.* Сталкиваясь с модернизацией: открытость и закрытость другой Европы // Новое литературное обозрение. 2009. № 6.
- Гудков Л. Д.* Абортивная модернизация. М.: РОССПЭН, 2011.
- Дубин Б. В.* Россия нулевых: политическая культура — историческая память — повседневная жизнь. М.: РОССПЭН, 2011.
- Йоас Х., Кнебель В.* Социальная теория. Двадцать вводных лекций. СПб.: Алетейя, 2013.
- Коткин С.* Новые времена: Советский Союз в межвоенном цивилизационном контексте // Мишель Фуко и Россия: сб. ст. / под ред. О. Хархордина. СПб.: Летний сад, 2001.
- Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2001.
- Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект-Пресс, 1999.
- Arnason J.* The future that failed: Origins and destinies of the Soviet model. L.: Routledge, 1993.
- Arnason J.* Entangled communisms: Imperial revolutions in Russia and China // European Journal of Social Theory. 2003. № 3.
- David-Fox M.* Multiple modernities versus neo-traditionalism // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2006. № 4.
- Eisenstadt S.* The civilizational dimension in sociological analysis // Thesis Eleven. 2000. № 1.
- Kotkin S.* Magnetic mountain: Stalinism as a civilization. Berkeley: University of California Press, 1995.
- Maslovskiy M.* The Weberian tradition in historical sociology and the field of Soviet studies // Max Weber and Russia / ed. by V. Oittinen. Helsinki: Aleksanteri Series, 2010.
- Maslovskiy M.* Social and cultural obstacles to Russian modernization // Europe-Asia Studies. 2013. № 10.

- Sakwa R.* Modernization, neo-modernization and comparative democratization in Russia // East European Politics. 2012. № 1.
- Spohn W.* Political sociology: Between civilizations and modernities. A multiple modernities perspective // European Journal of Social Theory. 2010. № 1.
- Spohn W.* World history, civilizational analysis and historical sociology: Interpretations of non-western civilizations in the work of Johann Arnason // European Journal of Social Theory. 2011. № 1.